

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ: ПРЕТЕНЗИИ, КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, РЕАЛЬНЫЙ ПОДХОД И РАБОТА

В.М. РОЗИН

В статье рассматриваются работы, опубликованные в специальном выпуске МПЖ «Феноменологический подход в психологии и психотерапии», анализируются основные положения феноменологической философии и обсуждается их влияние на представления психологов и психотерапевтов. Автор старается показать, что феноменологическая психотерапия по своему подходу сближается с гуманитарными способами работы, но ограничивается преимущественно организацией особого рода понимания и общения. Критикуются представления психотерапевтов данного направления о познании, исследовании, психологической помощи.

Ключевые слова: психотерапия, феноменология, исследование, познание, идеальный объект, интерпретация, знание, личность.

Второй номер «Московского психотерапевтического журнала» за прошлый год целиком посвящен феноменологической психологии, точнее, как уточнено на обложке, «феноменологическому подходу в психологии и психотерапии». Номер, будучи исключительно интересным и насыщенным, действительно позволяет познакомиться с основными идеями в этой области психологической науки и практики. В этом плане стоит поздравить составителей специального выпуска В.В. Архангельскую и А.А. Пузыря с очень удачной работой.

С самого начала мне бросились в глаза заявления идеологов феноменологической психотерапии о том, что именно феноменология и феноменологическая психология, включая психотерапию, являются самыми перспективными и правильными в познании сущности человека и в помощи ему.

«Феноменология, — пишет А. Лэнгле, — это единственный метод, с помощью которого можно увидеть суть другого человека... Феноменология — это высшая точка психологии... это вершина, венец психологии. А фено-

менологическая психология — это самая сложная форма психотерапии» [Лэнгле, 2009, с. 112, 117, 118]. «Только дазайн-анализ, — подтверждает М. Босс, — видит людей как ту самую свободу и открытость, которая может быть использована ими, чтобы призвать к свободе и открытости своих братьев. Другими словами, только дазайн-анализ помогает нам понять, как возможна психотерапия вообще... насколько мне известно, дазайн-анализ — единственное направление в психотерапии, которое имеет адекватные философские основания для понимания как феноменов, возникающих в ходе терапии, так и ее фундаментального смысла и даже условий ее возможности» [Босс, 2009, с. 153, 166].

Что-то похожее я слышал на семинарах от А. Пузыря, но, конечно, с обоснованием этой позиции. Однако интересно, признают ли другие направления психологии и психотерапии претензии феноменологии на главенство в плане познавательных возможностей и эффективности? Думаю, что нет. Впрочем, посмотрим: может быть, феноменологи действительно правы. Обсудим сначала основные положения их доктрины и методологии, которые четко заявляются многими авторами выпуска. Несколько упрощая дело (меня может оправдать лишь то, что этим занимаются все авторы), основные положения сводятся к следующему: *назад к самим вещам; нужно, чтобы вещи сами себя показывали; это возможно, если наше познание будет беспредпосылочным, то есть необусловленным в теоретическом отношении; предмет феноменологической психологии являются опыт и непосредственные переживания феноменов.*

«Феноменология следует девизу Э. Гуссерля: «К самим вещам!», а также опирается на герменевтику М. Хайдеггера. Это означает, что тот, кто смотрит феноменологически, описывает нечто, «что само себя показывает, и в тех границах, в каких оно себя показывает». Эта задача, как уже было описано выше, требует эпохе, а именно — отказа от добавления любой иной информации. Ассоциации, фантазии, теоретические знания и т.д. в этой строгой форме феноменологии должны быть вынесены за скобки» [Лэнгле, 2009, с. 125].

«В любом случае, требование дазайн-анализа позволить феноменам “самим говорить за себя” является радикальным отказом от использования психологической теории в качестве средства для понимания человеческой экзистенции. Выполнив это требование, мы стремимся по возможности избегать формулировки заключений, гипотез и выводов о вещах; вместо этого мы стараемся позволить тому, что мы видим и слышим, представлять перед нами таким, каково оно есть» [Босс, 2009, с. 148].

«Я думаю, что мы лучше подойдем к пониманию феноменологии, если будем постоянно опираться на опыт, если мы начнем упражняться в феноменологии, если мы начнем работать той частью себя, где мы в самом своем существе и по своей природе — феноменологи...» [Лэнгле, 2009, с. 111].

«Феноменологически исследовать нечто — значит изучить то, как мы нечто переживаем, безотносительно к тому, что мы об этом знаем. Это значит видеть вещи так, как они даны в нашем переживании, безотносительно к имеющимся у нас теориям, догадкам и здравому смыслу. В психологии под “феноменологическим исследованием” подразумевают сегодня особый тип исследования, направленный на реконструкцию структуры некоторого переживания, смыслов и отношений человека к чему-либо» [Улановский, 2009, с. 28].

Интересно, каким образом феноменологи понимают, что собой представляет «исследование», если оно безотносительно к теории или гипотезам? Где это они нашли исследование, свободное от построения идеальных объектов и конструирования? Правда, нужно отметить, что некоторые феноменологи колеблются. Например, Лэнгле вовсе не отрицает «теоретическую рефлексию», но пишет, что она должна следовать за опытом [Лэнгле, 2009, с. 111]. Н.П. Бусыгина, проблематизируя представление об интерпретации, спрашивает:

«Если анализ, осуществляемый на основе феноменологического метода, тоже имеет природу толкования, означает ли это, что сами феноменологи, настаивая на описательном характере разрабатываемого ими метода и противопоставляя его интерпретации, предлагают неадекватную рефлексию собственного метода?» [Бусыгина, 2009, с. 60]. А Ю.Т. Джендлин прямо пишет, что чем больше интерпретаций, тем лучше: «Если в качестве основного критерия принять именно проявление нового, то очевидно, что чем больше различных интерпретаций, тем больше вероятность, что это новое появится» [Джендлин, 2009, с. 142].

По сути, Т.М. Буякас, ссылаясь на А.А. Пузыря, отвечает на вопрошание Н.П. Бусыгиной, что интерпретация интерпретации рознь, что существуют особые феноменологические интерпретации.

«Феноменологическая установка “дает возможность заговорить самому тексту”; интерпретация здесь “не замещает исходный текст, не встает на его место, но пытается держаться как бы “при” нем, выступая только в качестве “проводника” к нему, или, что то же: выступая в качестве того, что открывает понимаемому дорогу, дает ему возможность выйти навстречу»... такая интерпретация «амплифицирует само понимание, доводя его до кондиции», открывая для него возможность нам скажаться» [Пузырей, 2005, с. 311; Буякас, 2009, с. 107].

Андрей Пузырей на семинарах не раз демонстрировал нам подобные интерпретации, но его слушатели, например, Анатолий Кричевец и ваш покорный слуга, возражали, указывая на то, что демонстрируемые интерпретации именно замещают исходный текст. Но даже если исключить наше несогласие (возможно, мы не можем чего-то правильно понять, поскольку не феноменологи), все же остается неясным, что значит интерпретация как

«проводник» к тексту и что значит, что она «амплифицирует» само понимание? Интерпретация эффективна тогда, когда она позволяет видеть то, чего в самом тексте не видно, например, доводит его до кондиции, причем *определенной*. Если в самом тексте этой кондиции не видно, то, возможно, ее там и нет. Если же мы ее увидели с помощью интерпретации, то возникает подозрение, что эту кондицию мы в текст внесли сами. Ссылки на то, что, мол, в тексте это прямо сказано, достаточно наивны, ведь в нем есть *все и ничего*, и, не поставив специально глаз с помощью той же интерпретации, ничего, кроме непосредственного смысла, в тексте увидеть нельзя. Возможно, что автор текста и стремился предъявить эту «кондицию» и осознавал ее, но, поскольку без нашей интерпретации она в тексте автора не видна, лучше считать, что ее там и не было. В противном случае мы открываем широкий простор для произвола, ведь каждый интерпретатор (а их десятки, если не сотни) станет утверждать, что именно он довел текст до кондиции. Другое дело, если бы интерпретатор смог показать, что автор текста действительно осознавал данную кондицию (что невозможно сделать на основе только данного текста) и что он так строил текст, чтобы она там «торчала».

Как же на основе ключевых положений феноменологической философии психотерапевты формулируют свой подход и более конкретные представления? То, что «само себя показывает», превращается у них в *пациентов и самих психотерапевтов*. Процесс «показывания», явление феномена в «просвете», зазоре бытия, превращается в *проявление свободы и выявление сути человека*, ведущих к исцелению или к положительному терапевтическому эффекту. В основе этого процесса лежит *подлинное присутствие, понимание другого, общение, анализ переживаний*. Обратим внимание: это уже, действительно, психологические установки.

«В то время как прежнее понятие здоровья касалось только способности человека держаться успешно и без болезней в обыденном мире, обращенная к личности медицина (и психотерапия. — *В.Р.*) расширяет представление о здоровье до понятия «**ис-целения**», до обретения возможности «**бытия целым**»... В лучах того света, с которым встречается в этом случае человек, пробуждается **собственный свет** в нем самом, и благодаря этому начинается **внутренняя работа творческой внутренней трансформации**» [Дюркхайм, 2009, с. 82, 92].

«Феноменология оставляет другого свободным, она пытается увидеть его в его сущности, а не завладеть и использовать его... позволяет человеку оставаться свободным и благодаря любящему взгляду создать пространство, в котором сущность другого человека могла показать себя, проявиться и стать присутствующей для нас [Лэнгле, 2009, с. 115, 118].

«Сегодня дазайн-анализ обозначает также психотерапевтический подход, ставящий своей задачей высвобождение индивидов к тому, чтобы они

могли реализовать свои наиболее-собственные возможности бытия-с-вещами и с другими людьми... у психотерапии есть только одна цель: вернуть невротически ущербным мужчинам и женщинам их изначальную открытость и свободу, дать им то, что уже «принадлежало» им, — свободу распоряжаться возможностями их собственной экзистенции тем способом, который согласуется с их собственными ощущениями, суждениями и дарованиями» [Босс, 2009, с. 115, 118—119].

«Развитие способности чувствовать целое приводит к мощному терапевтическому эффекту. Вспомним корни слова исцеление — это и есть обретение целостности» [Летуновский, 2009, с. 196].

Как мы видим, практически все авторы утверждают, что феноменологический подход позволяет добраться до сути человека (его целостности, собственной природы, изначальной открытости и т.п.), что автоматически дает терапевтический эффект или непосредственно исцеление. Остается один только вопрос: как убедиться в том, действительно ли это так? А вдруг все наоборот: вдруг феноменологический подход закрывает путь к сути человека и не дает никакого исцеления? Конечно, я не прав, но пусть феноменологи смогут мне доказать обратное! Пока же я ясно вижу, что их утверждения суть простой символ веры; если они и обосновываются, то только отсылкой к авторитетам — Гуссерль, Хайдеггер, Дюркхайм — или к отдельным свидетельствам (см. пример Лэнгле по поводу психотерапевта Michael Mahoney [Лэнгле, 2009, с. 127]). Однако известно, что ни авторитеты, ни отдельные примеры ничего не доказывают.

Кроме того, что значит «суть» той или иной личности? Феноменологи говорят об открытости, свободе, способности к внутренней трансформации, к новому. Представим на минуту, что мы предложили эти ценности среднестатистическому россиянину. Наверняка он замашет руками и скажет: «Чур-чур меня, вы что, хотите моей погибели, с такими качествами личности я наверняка пропаду и очень быстро!». Можно, конечно, сказать, что феноменологи имеют в виду не среднего человека, а «человека возможного». Но и в этом случае вопросы остаются: что нам делать с обычными людьми, которые чаще всего и приходят к психотерапевтам? А также: почему указанные качества специфичны для «человека возможного», как мы должны представлять себе этого «возможного человека»?

Ну, ладно: пусть даже «человек возможный». Однако разве он сидит в том или ином человеке и ждет, пока феноменолог даст ему возможность проявиться и появиться на свет в зазоре бытия и психотерапевтического творчества? «Возможный человек» — это наш идеал или проект, и, чтобы он состоялся в жизни, нужно еще много чего сделать: создать нужные условия, убедить «клиента» в необходимости новой жизни, посмотреть, что из этого получается конкретно (может быть, совсем не то, что замышля-

лось), и прочее. Примерно так поступает Платон по отношению к античной любви: спроектировал новую любовь в «Пире» и убедил своих слушателей; а дальше платоническая любовь быстро завоевала становящуюся античную личность, но и обнаружила свои недочеты (см. подробнее [Розин, 2006]). Другими словами, «возможный человек» — это не гомункулус, который в нас сидит и до поры до времени дремлет, как Илья Муромец, а определенный ответ на вызовы времени и наша конструкция (проект), которую еще нужно реализовать, и вовсе не факт, что это получится.

Я бы не хотел вместе с водой выплеснуть ребенка. Дело в том, что феноменологический подход вовсе не мираж и заблуждение: он, действительно, в определенных границах революционен и многое дал, в том числе и для психотерапии. Здесь придется сделать отступление и поговорить о том, как я вижу феноменологию [Розин, 2008, 2010, с. 72—107]. На мой взгляд, Гуссерля и его последователей не устраивали те способы философского осмысления и объяснения, которые сложились в XVIII — начале XIX столетия. Эти способы были ориентированы на естествознание как идеал науки и предполагали субъект-объектную трактовку познания. С точки же зрения феноменологов, объяснению подлежали разные способы научного познания и другие символические системы, существующие наряду с наукой: искусство и творчество в широком смысле слова.

Чтобы преодолеть обусловленность творчества со стороны сложившихся систем философского осмысления, а также объяснить возможность открытия новых явлений и реальностей, феноменологи стали настаивать на необходимости мыслить беспредпосылочно и анализировать опыт творчества, в котором конституируются новые реальности. В этом смысле «бытие» как «сокрытое» (Хайдеггер) можно понять как установку на признание еще не выявленных и не реализованных способов осмысления и объяснения определенных явлений. Понятно, что эти способы различны и большей частью располагаются в будущем, то есть нам они неизвестны и в настоящее время принципиально не могут быть охарактеризованы; впрочем, ситуация не меняется и для мыслителей, идущих вслед за нами: перед ними тоже неизвестное будущее.

Не менее важным было введение Гуссерлем принципа интенциональности, позволяющего опираться не на начала философии, а на собственный опыт творчества. Но принцип интенциональности нужно понимать двояко: он требует от мыслящего, с одной стороны, настроиться на предметность, с другой — перестроить самого себя, свое мышление, правильно в нем установиться (отсюда, в частности, постоянный рефрен Хайдеггера — «мы еще не мыслим»).

В плане концептуализации феноменологи опирались, с одной стороны, на переосмысленные психологические представления, с другой —

на традиционные философские представления, которые также были ими переосмыслены. Отсюда двойная (или множественная) трактовка всех феноменологических основоположений. Например, сознание, по Гуссерлю, — это и переживания, и онтология; открытость тут-бытия, по Хайдеггеру, — это и состояния последнего, и допредикативное понимание, и расположенность (настроенность), и проект.

Однако реальный феноменологический анализ, как я стараюсь показать, представляет собой не столько реализацию представлений, соответствующих «феноменологической концептуализации», сколько особую методологию и мыслительную работу, позволяющую увидеть новое, конституировать новую предметность и реальность. При этом могут быть использованы самые разные средства и методы, важно лишь, чтобы в результате это новое проявилось и появилось.

В этом отношении феноменологическая работа принципиально двухслойна: в одном слое феноменолог использует обычные инструменты и способы работы, в другом — отслеживает свое сознание на предмет становления нового, выявления новой предметности и реальности. Возьмем, например, известную работу Хайдеггера «Вопрос о технике». В результате чтения этой работы, действительно, возникает новое понимание и видение техники, или, говоря языком Хайдеггера, феномен техники является нам в своем подлинном виде (как «весть бытия»). Спрашивается, за счет чего? Во-первых, за счет *анализа обусловленности способов мышления техники*, во-вторых, за счет *трактовки техники в рамках более широкого целого (современной культуры)*, в-третьих, за счет *реализации установки на решение проблем, возникших в связи с современной техникой и, более широко, техногенной цивилизацией* [Розин, 2008].

Я не отрицаю, что Хайдеггер как подлинный феноменолог устанавливал свое сознание таким образом («вынося за скобки», осуществляя «редукцию», проходя «к чистому сознанию» и прочее), чтобы изучаемое им явление (техника) появилось. Но может ли это рассматриваться как главное в его работе? Более существенно то, что он правильно ставил проблему, анализировал условия мыслимости техники, рассматривал технику в рамках более широких образований (культуры, жизни, социальных процессов), реализовывал современные стратегии исследования. Рефлексия опыта сознания подлинных феноменов, конечно, помогала, но все же была делом сугубо внутренним, субъективным. Никакими объективными средствами схватить и описать «появление» подлинных феноменов невозможно. (На своем опыте могу это подтвердить: необыкновенные переживания и ощущения, сопровождающие в сознании появление нового, так и остаются переживаниями и ощущениями.)

У меня тоже есть опыт осмысления и исследования техники [Розин, 2001, 2006]. При этом я реализовывал гуманитарно-ориентированную методологию; последняя же предполагала *трактовку каждого случая изучения как уникального*, соответственно предполагала (под данный случай) *выстраивание индивидуальной методологии исследования*, *необходимость удерживать ли в сумме эти методологические требования по функции феноменологическому подходу*, не перекрывают ли его (в логическом же отношении оставаясь объективными, поскольку могут контролироваться)?

Иначе говоря, я утверждаю, что феноменологическая работа не образует собой целого; она входит как необходимая составляющая в более сложное образование творчества-познания. Эта составляющая концептуализируется через работу сознания (возможно, именно это так привлекает психологов, если вспомнить, что как раз сознание, а не психика, выступало первым предметом психологии). Кроме того, феноменологи в полемике с односторонними подходами к изучению явлений, которые блокировали творчество, а часто и саму возможность правильно понять явление, как раз и выплеснули с критикой самого ребенка — *идеализацию как совершенно необходимое условие всякого познания*. Действительно, и философское, и научное познание предполагают построение «идеальных объектов», которые позволяют приписывать явлению определенные характеристики и удерживать эти характеристики в ходе дальнейшего изучения. Причем это обстоятельство не отрицает, а, наоборот, впервые дает возможность, как говорят феноменологи, явлению появиться. Именно потому, что Платон, давая определения, приписывает любви в «Пире» определенные характеристики (любовь — это гармония, разлитая в космосе, это поиск своей половины и стремление к целостности, это вынашивание духовных плодов, это не бог, а гений), сама эта платоническая любовь впервые и появляется для читателей «Пира» [Розин, 2008, с. 176—181].

Наконец, современное познание вовсе не предполагает односторонних подходов, не реагирующих на особенности и природу изучаемого явления. Напротив, хорошее современное исследование, особенно в области гуманитарной науки, удовлетворяет самым строгим требованиям феноменологов. Оно ориентировано на уникальный объект и уникальную стратегию, старается предоставить «голос» изучаемому феномену, процессуально представляет собой поиск и челночное движение, ничего общего не имеющие с простым применением методов. В качестве иллюстрации могу привести собственное гуманитарное исследование жизни А.С. Пушкина.

Читая однажды письма Пушкина, я поймал себя на мысли, что мне совершенно непонятны ни поступки, ни высказывания великого поэта,

особенно по отношению к женщинам, кутежам и карточной игре. В то же время игнорировать свое непонимание я не мог — слишком велико в моей душе было значение Пушкина: следуя за Мариной Цветаевой, я вполне мог сказать — «Мой Пушкин». Я не мог ни жить с таким пониманием, точнее — непониманием, ни отмахнуться от возникшей проблемы. Читая дальше письма, я с определенным удовлетворением отметил, что сходная проблема не давала покоя и Петру Чаадаеву. Не правда ли, удивительно: Чаадаев пишет, что Пушкин «мешает ему идти вперед»; спрашивается, при чем здесь Пушкин? Иди вперед, если хочешь. Но в том-то и дело: если Пушкин — мой, во мне, часть моего я, то я не могу отмахнуться, если не понимаю его поступков или не одобряю их.

В результате я вынужден был начать сложную работу. Вспомнив совет Михаила Бахтина, который писал, что «чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, — с ними можно только диалогически общаться. Думать о них — значит говорить с ними, иначе они тотчас же поворачиваются к нам своей объектной стороной» [Бахтин, 1972, с. 116], я предоставил голос самому Пушкину, чтобы он отвечал на мои недоумения. Для этого я искал в его письмах ответы на мои вопросы, пытался встать в позицию Пушкина, увидеть мир его глазами, сам и с помощью Ю. Лотмана реконструировал его время, нравы, обычаи и т.д. и т.п. Например, после этих поисков я понял, что Пушкин был романтиком, что карточная игра в его время имела совершенно другой смысл, чем в наше (это была форма преодоления несвободы), что отношение Пушкина к женщинам отчасти было обусловлено тем, что он был помещиком, что на Пушкина большое влияние оказывали его друзья, несогласные с его образом жизни, наконец, и сам Александр Сергеевич все больше осознавал несоответствие своего образа жизни и роли национального поэта России.

Опираясь на все это, то есть на сконструированный мною образ Пушкина (идеальный объект), я смог показать, что на рубеже 30-х годов с Пушкиным происходит духовный переворот. Он пересматривает свою жизнь, отказывается от прежних ценностей, принимает на себя ряд задач, направленных на служение России. Я анализировал поступки Пушкина и старался понять их мотивы, короче говоря — делал все, чтобы Пушкин действительно стал моим, чтобы Пушкин, как писал Чаадаев, позволил мне идти своим путем, чтобы я смог жить вместе с Пушкиным. Не знаю, как это выглядит со стороны, но психологически мне это, в конце концов, удалось.

При этом я, безусловно, вел исследование творчества Пушкина, но главным было не подведение Пушкина под какую-то известную мне схему или теорию творчества, а движение в направлении к Пушкину и, льщу себя надеждой, движение Пушкина ко мне, поскольку я старался

предоставить Пушкину полноценный голос. Таким образом, мое исследование как тип мышления представляло собой создание условий для нашей встречи, для общения. Структура и «логика» мысли задавались в данном случае не только правилами, категориями или построенными ранее схемами (хотя все это я использовал по мере надобности), а именно работой, направленной на встречу и общение с Пушкиным.

В рассмотренном исследовании можно увидеть все основные характеристики гуманитарного познания. Постигание явления (жизни Пушкина) путем конструирования идеального объекта (я приписывал Александру Сергеевичу различные характеристики — он романтик, на него влияли его друзья и т.д.). Опора на факты (письма Пушкина и события, установленные другими исследователями). Стремление дать научное (культурологическое и психологическое) объяснение. Движение в пространстве разных точек зрения (я начал с обсуждения противоположных оценок личности и жизни Пушкина). Попытка правильно понять тексты (письма Пушкина и высказывания о нем). Сознательное проведение в исследовании своих ценностей — культурологических, гуманитарных, методологических. Подчинение исследования задаче общения с Пушкиным, встречи с ним. Непрерывный поиск, неоднократное возвращение назад для уточнения исходной постановки задачи, постепенное нащупывание нужной стратегии и характеристик. Психологически же я воспринимал, что передо мною выходила в просвете бытия, всплывала подлинная жизнь нашего великого поэта [Розин, 2008].

И еще добавлю: приведенное исследование было не только гуманитарным, но и психологическим — ведь я изучал личность Пушкина, его поступки и особенности сознания им социальной действительности.

Что же взяли из феноменологии психотерапевты? Прежде всего, гуманитарный подход (который, правда, понимается ими как феноменологический). Действительно, установки на понимание, общение, признание уникальности каждой рассматриваемой ситуации (случая), а, следовательно, невозможность простого приложения к исследуемой реальности какого-либо заранее известного представления, и, наконец, установка на удержание целостности и уникальности человека — общие черты обоих подходов. Кроме того, психотерапевты феноменологической ориентации усилили позицию клиента, подчеркивая необходимость предоставления ему полной свободы, и усилили собственную позицию, требуя от самого психотерапевта принципиальной открытости.

«Для того чтобы встретить Person Другого, распознать, что идет из этого внутреннего источника, требуется *установка моей собственной открытости*, которая как бы приглашает Другого быть здесь со своей креативной потенцией... Здесь важно увидеть различие между объясне-

нием и пониманием. Феноменология не объясняет, она понимает» [Лэнгле, 2009, с. 114, 116].

«В психологическом отношении феноменология — это методология практики понимания, метод решения практических задач (понимание — это практическая задача, его нельзя достичь раз и навсегда, но необходимо достигать каждый раз заново; это, разумеется, не отвергает знания, которое как раз характеризуется тем, что приобретается однажды, а служит всегда)... Психологическая практика может в явном виде не касаться философских оснований метода, но при этом быть феноменологической, если она направлена на открытие нового горизонта, понимание существа, случая, человеческой уникальности во всей целостности мультиперспективы пространств и времен» [Лукьянов, 2009, с. 169, 170].

Я бы согласился со всем, но что дальше? Каким образом, кроме общения и понимания, вы хотите помочь вашему клиенту? Неужели вы думаете, что этого достаточно? Не спорю, и понимание Другого, и общение — вещи очень важные, помогающие жить. Почему ближайший эффект психотерапевтической помощи нередко бывает положительным? Не потому ли, что с клиентом общаются, его понимают, обсуждают его жизнь и проблемы? Не потому ли, что помогает клиенту специалист-психолог, который «знает» и поэтому может сказать, что происходит с человеком, обратившимся за помощью, отчего происходит его неблагополучие и, главное, как от него избавиться? Клиент начинает понимать, что с ним происходит, у него появляется надежда.

Разве недостаточно этих трех факторов: 1 — участия и помощи, 2 — понимания происходящего, 3 — появившейся надежды на улучшение, чтобы пациенту «стало лучше»? Даже если на самом деле (это «на самом деле» становится ясным или значительно позднее, или в специальном анализе) предложенная и принятая психологическая помощь была неэффективной, или вовсе вредной, усугубившей неблагополучие клиента!

«Что же ценного, — спрашивает В.Н. Цапкин, — мы можем извлечь из обширной литературы по исследованию психотерапии? Важнейшими факторами, влияющими на эффективность психотерапии, независимо от теоретической ориентации психотерапевта, являются, согласно исследованиям Дж. Фрэнка [Frank, 1961], вера психотерапевта в действенность своего метода и вера пациента в помощь своего психотерапевта. Дж. Мармор [Marmor, 1975] в своем исследовании делает два главных вывода. Во-первых, эффективность психотерапии зависит не столько от метода, сколько от опыта и личности психотерапевта; этот вывод сделан на основании сопоставления результатов психотерапии, проводившейся, в частности, представителями различных психодинамических ориентаций (психоаналитиками, юнгианцами, адлерянцами) и поведенческими терапевтами. Во-вторых,

во всех видах психотерапии действуют одни и те же психотерапевтические факторы (хотя и в разных пропорциях): 1) установление особого контакта между психотерапевтом и пациентом — исходная предпосылка, на которой строится психотерапия; 2) ослабление напряжения на начальной стадии, основанное на способности пациента обсуждать свои проблемы с лицом, от которого он надеется получить помощь; 3) расширение репертуара когнитивных схем за счет информации, получаемой от психотерапевта; 4) оперантная модификация поведения пациента за счет позитивно-негативного подкрепления со стороны терапевта, а также коррективного эмоционального опыта в терапевтических взаимоотношениях; 5) приобретение социальных навыков благодаря идентификации с психотерапевтом; 6) убеждение и внушение, явное или скрытое; 7) усвоение и отработка адаптивных паттернов поведения при эмоциональной поддержке со стороны психотерапевта. Что же касается исследований, посвященных оценке эффективности различных психотерапевтических подходов, то они, на наш взгляд, по существу зашли в тупик» [Цапкин, 1992, с. 19].

Не подтверждают ли эти исследования и обычные наблюдения, что главное в современной психотерапии — это не знания механизмов психики, причин ее нарушения и способов восстановления, а взаимоотношения психолога с клиентом и вера последнего в возможность психологической помощи? Или все же психолог обладает знаниями и может реально помочь, поскольку владеет точными методами, основанными на психологической науке? Как пишет Ф.Е. Василюк, «психолог-практик ждет от теории не объяснения каких-то внешних для практики сущностей, а руководства к действию и средств научного понимания своих действий» [Василюк, 1992, с. 20].

Никто не отрицает эвристической ценности феноменологических принципов именно в плане установок на *понимание, общение, признание уникальности каждого случая, поиск нестандартных решений, работу психотерапевта с самим собой, достижение свободы и целостности*. Проблема в другом: как можно помочь человеку, если феноменолог-психотерапевт останавливается как раз там, где надо начинать исследование, выяснять реальные проблемы вашего пациента, искать уникальные способы и пути решения этих проблем? Можно ли, например, считать исследованием работу Т. Бюакса, выясняющую, что переживали студенты, что с ними происходило, если они принимают следующую инструкцию:

«Внимательно вслушайтесь в окружающее Вас пространство; всмотритесь в объекты, которые его наполняют. Может быть, какой-нибудь из них обращает на себя особое внимание: заговаривает или как-то заигрывает с Вами? Попробуйте открыть себя навстречу этому призыву так, чтобы добраться до сущности этого ощущения, до его корня, первоосновы, скры-

той за тем, что захватило Ваше внимание. До своего Большого Я — состояния целостности и творчества, которое дает начало всему остальному. Оставайтесь в этом состоянии. Просто пребывайте в переживании сущности того, что захватило Ваше внимание. Позвольте себе чувствовать и воображать, какой могла бы быть жизнь, если бы Вы были близки к этой сущности». Дальше Буякас пишет: «Возможно ли через *внимание к предпочтениям своей души* обнаружить те смыслы и ценности, которые в настоящий момент уже «влекут жизнь так, как это подобает только ей одной»? Исследование этого вопроса составило *задачу данной работы*. Одновременно в этом исследовании мы преследовали и *психотехническую задачу*: найти способ самообнаружения актуальных живому настоящему человека смыслов» [Минделл, 2003, с. 134; Буякас, 2009, с. 96—97, 98].

Здесь, как мы видим, весь джентльменский набор символов веры наивного феноменолога-психотерапевта. Но более существенно, что работа ведется со студентами, не имеющими абсолютно никаких проблем, их приглашают поиграть в любопытную игру и тешат их сознание возвышенными формулами, от них в научном плане ничего не требуют. Зато прививают убеждение, в соответствии с которым психотерапия — это приятное и ни к чему не обязывающее занятие и к тому же — совершенно произвольное.

Когда феноменологи-психотерапевты говорят об исследовании, то они под этим имеют в виду вовсе не то, что под исследованием понимается в науке. Сделаем еще раз отступление. В отличие от науки как «парадигматической системы» научные исследования в качестве «синтагматического образования» позволяют получать новые знания и теоретические представления за счет специальных процедур и активности исследователя (исследователей). Хотя наука существует много веков, о научных исследованиях заговорили довольно поздно, только в конце XIX — начале XX вв. И вот почему. В этот период возникла необходимость оценивать качество научных работ, например, в целях финансирования. Возьмем такую типичную ситуацию: аспирант должен в течение трех лет начать и завершить научное исследование, т.е. заданы сроки. Более того, аспирант понимает, что, когда он выйдет на защиту, члены диссертационного совета будут оценивать качество его работы. Другой пример: объявлены гранты на проведение научных исследований. Получатель гранта понимает, что он должен закончить исследование в определенный срок. При этом исследование должно быть качественным — иначе финансирование будет прекращено или в следующий раз не дадут грант. Таким образом, он вынужден не просто осуществить научное познание и получить новые знания, но должен выполнить его в ограниченные сроки и качественно, для этого свою научную работу он должен планировать и организовывать, в том числе обращаясь к методологии.

Итак, такой вид научного познания, который предполагает оценку качества и сроков, а также планирование и методологическое сопровождение, можно назвать исследованием. Научное исследование должно быть продуктивным, т.е. или заканчиваться получением новых знаний, или приводить к новым представлениям по поводу рассматриваемого явления, или демонстрировать, что поставленные цели и задачи были неверными (это тоже может рассматриваться как результат научного исследования). Но во всех случаях научное исследование предполагает задание «объекта исследования», даже в том случае, когда он только предполагается. Во многих исследованиях выдвинутые гипотезы не подтвердились, однако при этом безусловно можно сказать, что это были полноценные исследования. Задание и полагание объекта исследования позволяет относить к нему эмпирический материал, создавать на его основе факты, высказывать предположения о строении этого объекта.

В научном исследовании познание явления происходит способом конструирования идеальных объектов и описывающих его понятий. Несмотря на то, что уже в самом начале исследования ученый или философ задает объект исследования, его конкретные характеристики и свойства ему неизвестны. Объект исследования или задается категорически, например, предполагается, что это *процесс* или *структура* (например, при изучении деятельности), или же он просто задается как явление с неизвестными свойствами, и затем уже идет работа с эмпирическим материалом, конструирование на его основе фактов, проблематизация, формулирование гипотез, построение теоретических положений, обоснование этих построений и прочее. Другими словами, конструируя идеальные объекты, исследователь выясняет и проясняет строение и особенности исследуемого явления.

Важной характеристикой научного исследования выступает его «контекст». Любое исследование включено в более широкое целое (научное познание, философскую или методологическую работу, проектирование, инженерную деятельность и т.п.), которое и задает контекст исследования. Контекст существенно определяет характер научного исследования: постановку проблем, природу и некоторые особенности объекта исследования, требования к продукту исследования и ряд других моментов.

Научное исследование предполагает поиск решений, преодоление сопротивления материала, рефлекссию и оценку того, что получается, возвращение к началу исследования для коррекции, челночное движение (т.е. неоднократное возвращение назад для определения более правильной стратегии работы, формулирования более верных предположений), оформление полученных результатов. Как правило, вся эта сложная работа научного исследования не отражена в конечном продукте работы исследователя. Оформляя свое исследование в соответствии с существую-

щими требованиями, он приводит лишь его результат (новое знание, закономерность, конструкцию идеального объекта, новые понятия, отрицательный результат исследования и прочее). Результатом исследования может считаться и проблематизация, и выделение новых фактов, и обоснование полученных результатов, — все зависит от значимости этих моментов и времени, затраченного на исследование. Сложность выделения того или иного исследования заключается в том, что в этом процессе участвует не только сам исследователь, но и тот, кто оценивает или изучает исследование. По сути, этот момент является неустранимым. Исследование как завершенное целое есть в такой же мере результат усилий самого исследователя, и тех субъектов, которые оценивают и осмысливают исследование.

Конечно, это идеал, но нельзя же исследованием называть организацию общения и понимания или во всех отношениях приятное занятие, весьма далекое от научного познания. Если вы, господа феноменологи, утверждаете, что феноменологическое исследование ничего общего не имеет с этим идеалом, то, пожалуйста, покажите, как возможно феноменологическое познание и в чем его особенности. В свое время В. Дильтей и М. Бахтин не пожалели многих лет своей жизни, чтобы обсудить условия возможности гуманитарного познания, а также его особенности. То же самое предстоит сделать и относительно феноменологического познания. И не надо ссылаться на авторитеты (например, на Гуссерля или Хайдеггера). Действительно, они обсуждали сходные проблемы, но в контексте своего времени, сегодня же — совершенно другая ситуация, и эпистемическая, и практическая, и социальная.

Заканчивая, еще раз хочу поблагодарить составителей специального выпуска «Феноменологический подход в психологии и психотерапии», предоставивших нам возможность обсуждать это новое направление. К моей радости, ситуация в психологии стала меняться, начались обсуждения судьбы не только психологической науки в целом, но и конкретных теорий и практик. Будем надеяться, что эти обсуждения помогут психологам преодолеть кризис, первую волну которого еще в 20-е годы прошлого столетия обсуждал Л.С. Выготский. Понятно, что с того времени много воды утекло — и психология другая, и кризис другой.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
- Босс М. Недавние размышления о дазайн-анализе // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 147—148.
- Бусыгина Н.П. Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 52—77.

- Бужак Т.М. Феноменология смысла: смысл как зов души // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 94—110.
- Василюк Ф.Е. К психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1.
- Дюркхайм К. Человечность врача // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 77—94.
- Летуновский В.В. Фехтование как метод экзистенциальной терапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 191—205.
- Лукиянов О.В. Феноменологическая психология в университете. Об опыте преподавания одноименного спецкурса студентам-психологам // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 168—191.
- Лэнгле А. Феноменологический подход в экзистенциально-аналитической психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 110—130.
- Минделл А. Ученик создателя сновидений. М., 2003.
- Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М., 2005.
- Розин В.М. Любовь в зеркалах философии, науки и литературы. М., 2006.
- Розин В.М. Феноменология глазами методолога // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 116—127.
- Розин В.М. Традиционная и современная философия. М., 2010.
- Розин В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. Москва — Воронеж, 2008.
- Розин В.М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М., 2008.
- Розин В.М. Философия техники. От египетских пирамид до виртуальных реальностей. М., 2001.
- Розин В.М. Понятие и современные концепции техники. М., 2006.
- Улановский А.М. Феноменология в психологии и психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 27—52.
- Цапкин В.Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 2.

PHENOMENOLOGICAL PSYCHOTHERAPY: AMBITIONS, CONCEPTS, APPROACH AND PRACTICE

V.M. ROZIN

The article deals with the texts published in a special issue of the Moscow Psychotherapeutic Journal «Phenomenological approach to psychology and psychotherapy» (№ 2, 2009). Fundamentals of phenomenological philosophy are analyzed in order to discuss their impact on psychologists' and psychotherapists' ideas. The author demonstrates that the approach used in phenomenological psy-

chotherapy is similar to that of the humanities, yet limited to mainly organizational matters focused on a special kind of understanding and communication. A criticism is made to review the ideas of phenomenology psychotherapists in the sphere of cognition, research, and psychological help.

Keywords: psychotherapy, phenomenology, research, cognition, ideal object, interpretation, knowledge, personality.

- Bahtin M.M. Problemy pojetiki Dostoevskogo. M., 1972.
- Boss M. Nedavnie razmyshlenija o dazajn-analize // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2009. № 2. S. 147—148.
- Busygina N.P. Fenomenologicheskoe opisanie i interpretacija: primery analiza dannyh v kachestvennyh psihologicheskikh issledovanijah // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2009. № 2. S. 52—77.
- Bujakas T.M. Fenomenologija smysla: smysl kak zov dushi // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2009. № 2. S. 94—110.
- Vasiljuk F.E. K psihotekhnicheskoi teorii // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 1992. № 1.
- Djurkhajm K. Chelovečnost' vracha // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2009. № 2. S. 77—94.
- Letunovskij V.V. Fehtovanie kak metod jekzistencial'noj terapii // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2009. № 2. S. 191—205.
- Luk'janov O.V. Fenomenologicheskaja psihologija v universitete. Ob opyte prepodavanja odnoimennogo speckursa studentam-psihologam // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2009. № 2. S. 168—191.
- Ljengle A. Fenomenologicheskij podhod v jekzistencial'no-analiticheskoj psihoterapii // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2009. № 2. S. 110—130.
- Mindell A. Uchenik sozdatelja snovidenij. M., 2003.
- Puzyrej A.A. Psihologija. Psihotekhnika. Psihagogika. M., 2005.
- Rozin V.M. Ljubov' v zerkalah filosofii, nauki i literatury. M., 2006.
- Rozin V.M. Fenomenologija glazami metodologa // Voprosy filosofii. 2008. № 5. S. 116—127.
- Rozin V.M. Tradicijonnaja i sovremennaja filosofija. M., 2010.
- Rozin V.M. Nauka: proishozhdenie, razvitie, tipologija, novaja konceptualizacija. Moskva — Voronezh, 2008.
- Rozin V.M. Osobennosti diskursa i obrazy issledovanija v gumanitarnoj nauke. M., 2008.
- Rozin V.M. Filosofija tehniki. Ot egipetskih piramid do virtual'nyh real'nostej. M., 2001.
- Rozin V.M. Ponjatie i sovremennye koncepcii tehniki. M., 2006.
- Ulanovskij A.M. Fenomenologija v psihologii i psihoterapii // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2009. № 2. S. 27—52.
- Capkin V.N. Edinstvo i mnogoobrazie psihoterapevticheskogo opyta // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 1992. № 2.